Фридрих Горенштейн и его «веревочные» книги

Новые Известия – 2002 – 6 марта – с. 7.

В Берлине скончался русский писатель и драматург Фридрих Горенштейн. Продолжатель традиций отечественной классики, литературы глубокого содержания и больших идей. Фридрих Горенштейн не дожил чуть больше двух недель до своего 70-летия. Он родился в 1932 году в Киеве, окончил Горный институт в Кривом Роге, затем учился в Москве на Высших курсах сценаристов и режиссеров. Писал романы и рассказы, которые советская цензура запрещала публиковать. После исключения из Союза советских кинематографистов в 1979-м Горенштейн эмигрировал в Западный Берлин. Лишь в последние годы его романы, рассказы, публицистические произведения стали печататься на родине, пьесы – ставиться в наших театрах (восстановлено членство Горенштейна в Союзе кинематографистов, теперь уже российском). Хотя уже в течение тридцати лет его работы широко публиковались на Западе и получали высокую оценку критики. Такие романы, как «Псалом», «Искупление» и «Место», выдвинули Фридриха Горенштейна в ряд ведущих представителей современной русской литературы.

Горенштейн работал как сценарист (сосценарист) с Никитой Михалковым («Раба любви»), Али Хамраевым («Седьмая пуля»), Андреем Тарковским («Андрей Рублев», «Солярис», а также «Дом с башней» и «Ариэль» – проекты не были осуществлены по политическим причинам), Андреем Кончаловским («Первый учитель). Многие его замечательные сценарии, такие, как «Ариэль», «Гамлет», «Шагал», «Хан», «Александр Скрябин», так и остались непоставленными. Включая «Унгерна», который собирался ставить Александр Прошкин и которому Министерство культуры РФ отказало в финансовой поддержке. В то время как исторический фильм по сценарию крупнейшего кинодраматурга современности мог бы высоко поднять планку отечественного кинематографа.

Фридрих, остававшийся до конца жизни большим ребенком, отказывался верить в свою болезнь. В декабре он приезжал в Москву уже в крайне тяжелом состоянии, в наивной, какой-то ребяческой надежде, что дома и стены помогут. Говорил о том, что, как чуть подлечится, добьется двойного гражданства и будет жить и тут, и там. Рассказывал о том, что ждет выхода в Нью-Йорке плодов своего многолетнего труда – четырехтомного романа об Иване Грозном. Что надо приступать к редактированию недавно им законченной «Веревочной книги» («Веревочная» – значит в древнем понимании особо ценная», – объяснил он мне), где многому подводятся итоги – эпохе, столетию, его собственной жизни. Что пора приступать, наконец, к жизнеописанию Адольфа Гитлера: «Это будет неожиданно, трагично, нелепо и смешно».

Горенштейн остро, может быть, даже слишком остро и болезненно реагировал на то, что происходит в России. В нем оставалась еще масса энергии, темперамента, человеческой мощи, огромного таланта, невероятной трудоспособности – таким и запомнится этот большой незаурядный человек, который оставил столь славный след на Земле.

Евгения ТИРДАТОВА,
для «Новых Известий».